

Стефан Цвейг

ЗВЕЗДНЫЕ ЧАСЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Невозвратимое мгновение Ватерлоо

Судьбу влечет к могущественным и властным. Годами она рабски покорствуется своему избраннику — Цезарю, Александру, Наполеону, ибо она любит натуры стихийные, подобные ей самой — непостижимой стихии.

Но иногда — хотя во все эпохи лишь изредка — она вдруг по странной прихоти бросается в объятия посредственности. Иногда — и это самые поразительные мгновения в мировой истории — нить судьбы на одну-единственную трепетную минуту попадает в руки ничтожества. И эти люди обычно испытывают не радость, а страх перед ответственностью, вовлекающей их в героическую мировую игру, и почти всегда они выпускают из дрожащих рук нечаянно доставшуюся им судьбу. Мало кому из них дано схватиться за счастливый случай и возвеличить себя вместе с ним. Ибо лишь на миг великое снисходит до ничтожества, и кто упустит этот миг, для того он потерян безвозвратно.

ГРУШИ

В разгар балов, любовных интриг, козней и препирательств Венского конгресса словно пушечный выстрел грянула весть о том, что Наполеон — плененный лев — вырвался из своей клетки на Эльбе; и уже летит эстафета за эстафетой: он занял Лион, изгнал короля, полки с развернутыми знаменами переходят на его сторону, он в Париже, в Тюильри — напрасна была победа под Лейпцигом, напрасны двадцать лет кровавой войны. Точно схваченные чьей-то когтистой лапой, сбиваются в кучу только что пререкавшиеся и ссорившиеся министры; спешно стягиваются английские, прусские, австрийские, русские войска, дабы вторично и окончательно сокрушить узурпатора; никогда еще Европа наследственных королей и императоров не была так единодушна, как в этот час смертельного испуга. С севера на Францию двинулся Веллингтон, ему на помощь идет прусская армия под предводительством Блюхера, на Рейне готовится к наступлению Шварценберг, и в качестве резерва медленно и тяжело шагают через Германию русские полки.

Наполеон единым взглядом охватывает грозящую ему опасность. Он знает, что

нельзя ждать, пока соберется вся свора. Он должен их разъединить, должен напасть на каждого в отдельности — на пруссаков, англичан, австрийцев — раньше, чем они станут европейской армией и разгромят его империю. Он должен спешить, пока не поднялся ропот внутри страны; должен добиться победы раньше, чем республиканцы окрепнут и соединятся с роялистами, раньше, чем двуличный неуловимый Фуше в союзе с Талейраном — своим противником и двойником — вонзит ему нож в спину. Он должен, пользуясь воодушевлением, охватившим его армию, одним стремительным натиском разбить врагов. Каждый упущенный день означает урон, каждый час усугубляет опасность. И он немедля бросает жребий войны на самое кровавое поле битвы Европы — в Бельгию. 15 июня в три часа утра авангард великой и ныне единственной наполеоновской армии переходит границу. 16-го, у Линьи, она отбрасывает прусскую армию. Это первый удар лапы вырвавшегося на свободу льва — сокрушительный, но не смертельный. Побежденная, но не уничтоженная прусская армия отходит к Брюсселю.

Наполеон готовит второй удар, на этот раз против Веллингтона. Ни минуты передышки не может он позволить ни себе, ни врагам, ибо день ото дня растут их силы, а страна позади него, обескровленный, ропщущий французский народ должен быть оглушен дурманом победных сводок. Уже 17-го он подступает со всей своей армией к Катр-Бра, где укрепился холодный, расчетливый противник — Веллингтон. Никогда распоряжения Наполеона не были предусмотрительнее, его военные приказы яснее, чем в тот день: он не только готовится к атаке, он предвидит и опасность ее: разбитая им, но не уничтоженная армия Блюхера может соединиться с армией Веллингтона. Чтобы предотвратить это, он отделяет часть своей армии — она должна преследовать по пятам прусские войска и помешать им соединиться с англичанами.

Командование этой частью армии он вверяет маршалу Груши. Груши — человек заурядный, но храбрый, усердный, честный, надежный, испытанный в боях начальник кавалерии, но не больше, чем начальник кавалерии. Это не отважный, горячий предводитель конницы, как Мюрат, не стратег, как Сен-Сир и Бертье, не герой, как Ней. Его грудь не прикрыта кирасой, его имя не окружено легендой, в нем нет ни одной отличительной черты, которая принесла бы ему славу и законное место в героическом мифе наполеоновской эры; только злополучием своим, своей неудачей прославился он. Двадцать лет он сражался

во всех битвах, от Испании до России, от Нидерландов до Италии, медленно поднимаясь от чина к чину, пока не достиг звания маршала, не без заслуг, но и без подвигов. Пули австрийцев, солнце Египта, кинжалы арабов, морозы России устранили с его пути предшественников: Дезе при Маренго, Клебера в Каире, Ланна при Ваграме; дорогу к высшему сану он не проложил себе сам — ее расчистили для него двадцать лет войны.

Что Груши не герой и не стратег, а только надежный, преданный, храбрый и рассудительный командир, — Наполеону хорошо известно. Но половина его маршалов в могиле, остальные не желают покидать свои поместья, по горло сытые войной, и он вынужден доверить посредственному полководцу решающее, ответственное дело.

17 июня в одиннадцать часов утра — назавтра после победы у Линьи, в канун Ватерлоо — Наполеон впервые поручает маршалу Груши самостоятельное командование. На одно мгновение, на один день скромный Груши покидает свое место в военной иерархии, чтобы войти в мировую историю. Только на один миг, но какой миг! Приказ Наполеона ясен. В то время как сам он поведет наступление на англичан, Груши с одной третью армии должен преследовать пруссаков. На первый взгляд очень несложное задание, четкое и прямое, но вместе с тем растяжимое и обоюдоострое, как меч. Ибо Груши вменяется в обязанность во время операции неукоснительно держать связь с главными силами армии.

Маршал нерешительно принимает поручение. Он не привык действовать самостоятельно; человек осторожный, без инициативы, он обретает уверенность лишь в тех случаях, когда гениальная зоркость императора указывает ему цель. Помимо того, он чувствует за спиной недовольство своих генералов и — кто знает? — быть может, зловещий шум крыльев надвигающейся судьбы. Только близость главной квартиры несколько успокаивает его: всего три часа форсированного марша отделяют его армию от армии императора.

Под проливным дождем Груши выступает. Медленно шагают его солдаты по вязкой, глинистой дороге вслед за пруссаками или — по крайней мере — по тому направлению, где они предполагают найти войска Блюхера.

НОЧЬ В КАЙУ

Северный дождь льет непрерывно. Словно промокшее стадо, подходят в темноте солдаты Наполеона, таща на подошвах фунта по два грязя; нигде нет пристанища — ни дома, ни крова. Солома так отсырела, что не ляжешь на нее, поэтому солдаты спят сидя, прижимаясь спинами друг к другу, по десять — пятнадцать человек, под проливным дождем. Нет отдыха и императору. Лихорадочное возбуждение гонит его с места на место; рекогносцировкам мешает непроглядное ненастье, лазутчики приносят лишь путаные сообщения. Он еще не знает, примет ли Веллингтон бой; нет также известий о прусской армии от Груши. И в час ночи, пренебрегая хлещущим ливнем, он сам идет вдоль аванпостов, приближаясь на расстояние пушечного выстрела к английским бивакам, где то тут, то там светятся в тумане тусклые дымные огоньки, и составляет план сражения. Лишь на рассвете возвращается он в Кайу, в свою убогую штаб-квартиру, где находит первые депеши Груши: смутные сведения об отступающих пруссаках, но вместе с тем и успокоительное обещание продолжать погоню. Постепенно дождь стихает. Император нетерпеливо шагает из угла в угол, поглядывая в окно на желтеющие дали, — не прояснился ли наконец горизонт, не настало ли время принять решение.

В пять часов утра — дождь уже прекратился — все сомнения рассеиваются. Он отдает приказ: к девяти часам всей армии построиться и быть готовой к атаке. Ординарцы скачут по всем направлениям. Уже барабаны бьют сбор. И только после этого Наполеон бросается на походную кровать для двухчасового сна.

УТРО В ВАТЕРЛОО

Девять часов утра. Но еще не все полки в сборе. Размякшая от трехдневного ливня земля затрудняет передвижение и задерживает подходящую артиллерию. Дует резкий ветер, лишь постепенно проглядывает солнце; но это не солнце Аустерлица, яркое, лучистое, сулящее счастье, а лишь уныло мерцающий северный отсвет. Наконец полки построены, и перед началом битвы Наполеон еще раз верхом на своей белой кобыле объезжает фронт. Орлы на знаменах склоняются, словно под буйным ветром, кавалеристы воинственно взмахивают саблями, пехота в знак приветствия подымает на штыках свои медвежьи шапки. Исступленно гремят барабаны, неистово-радостно встречают полководца трубы, но весь этот фейерверк звуков покрывает раскатистый, дружный, ликующий крик семидесятитысячной армии: «Vive l'Empereur!»^[2]

Ни один парад за все двадцать лет правления Наполеона не был величественнее и торжественнее этого — последнего — смотра. Едва утихли крики, в одиннадцать часов — с опозданием на два часа, роковым опозданием, — канонирам отдан приказ бить картечью по красным мундирам у подножия холма. И вот Ней, «храбрейший из храбрых», двинул вперед пехоту. Настал решающий час для Наполеона. Несчетное число раз описана эта битва, и все же не устаешь следить за ее перипетиями, перечитывая рассказ о ней Вальтер Скотта или описание отдельных эпизодов у Стендаля. Она равно знаменательна и многообразна, откуда ни смотреть на нее — издалека или вблизи, с генеральского холмика или кирасирского седла. Эта битва — шедевр драматического нагнетания с непрерывной сменой страхов и надежд, с развязкой, в которой все разрешается конечной катастрофой, образец истинной трагедии, ибо здесь судьба героя предопределила судьбы Европы, и фантастический фейерверк наполеоновской эпопеи, прежде чем навеки угаснуть, низвергаясь с высоты, еще раз ракетой взвился к небесам.

С одиннадцати до часу французские полки штурмуют высоты, занимают деревни и позиции, снова отступают и снова идут в атаку. Уже десять тысяч тел покрывают глинистую мокрую землю холмистой местности, но еще ничего не достигнуто, кроме изнеможения, ни той, ни другой стороной. Обе армии утомлены, оба главнокомандующих встревожены. Оба знают, что победит тот, кто первый получит подкрепление — Веллингтон от Блюхера, Наполеон от Груши. Наполеон то и дело хватается за подзорную трубу, посылает ординарцев; если его маршал подспеет вовремя, над Францией еще раз засияет солнце Аустерлица

ОШИБКА ГРУШИ

Груши, невольный вершитель судьбы Наполеона, по его приказу накануне вечером выступил в указанном направлении. Дождь перестал. Беззаботно, словно в мирной стране, шагают роты, вчера впервые понюхавшие пороха; все еще не видно неприятеля, нет и следа разбитой прусской армии.

Вдруг, в то время как маршал наскоро завтракает в фермерском доме, земля слегка сотрясается под ногами. Все прислушиваются. Снова и снова, глухо и уже замирая, докатывается грохот: это пушки, далекий орудийный огонь, впрочем, не такой и далекий, самое большее — на расстоянии трехчасового перехода.

Несколько офицеров по обычаю индейцев прижимают ухом к земле, чтобы уловить направление. Непрерывно доносится глухой далекий гул. Это канонада у Мон-Сен-Жана, начало Ватерлоо. Груши созывает совет. Горячо, пламенно требует Жерар, его помощник: «Il faut marcher au canon» — вперед, к месту огня! Другой офицер его поддерживает: туда, скорее туда! Все понимают, что император столкнулся с англичанами и ожесточенный бой в разгаре. Груши колеблется. Приученный к повиновению, он боязливо придерживается предначертаний, приказа императора — преследовать отступающих пруссаков. Жерар выходит из себя, видя нерешительность маршала: «Marchez au canon!»^[3] — командой, не просьбой звучит это требование подчиненного в присутствии двадцати человек — военных и штатских. Груши недоволен. Он повторяет более резко и строго, что обязан в точности выполнять свой долг, пока император сам не изменит приказа. Офицеры разочарованы, и пушки грохочут среди гневного молчания.

Жерар делает последнюю отчаянную попытку: он умоляет разрешить ему хотя бы с одной дивизией и горсточкой кавалерии двинуться к полю битвы и обязуется своевременно быть на месте. Груши задумывается. Он думает одну лишь секунду.

РЕШАЮЩЕЕ МГНОВЕНИЕ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Одну секунду думает Груши, и эта секунда решает его судьбу, судьбу Наполеона и всего мира. Она предопределяет, эта единственная секунда на ферме в Вальгейме, весь ход девятнадцатого века; и вот — залог бессмертия — она медлит на устах очень честного и столь же заурядного человека, зримо и явственно трепещет в руках его, нервно комкающих злополучный приказ императора. Если бы у Груши хватило мужества, если бы он посмел ослушаться приказа, если бы он поверил в себя и в явную, насущную необходимость, — Франция была бы спасена. Но человек подначальный всегда следует предписаниям и не повинуется зову судьбы.

Груши энергично отвергает предложение. Нет, недопустимо еще дробить такую маленькую армию. Его задача — преследовать пруссаков, и только. Он отказывается действовать вопреки полученному приказу. Недовольные офицеры безмолвствуют. Вокруг Груши воцаряется тишина. И в этой тишине безвозвратно уходит то, чего не вернут уж ни слова, ни деяния, — уходит решающее

мгновение. Победа осталась за Веллингтоном.

И полки шагают дальше. Жерар, Вандам гневно сжимают кулаки. Груши встревожен и час от часу теряет уверенность, ибо — странно, — пруссаков все еще не видно, ясно, что они свернули с брюссельской дороги. Вскоре разведчики приносят подозрительные вести: по всей видимости, отступление пруссаков обратилось в фланговый марш к полю битвы. Еще есть время прийти на помощь императору, и все нетерпеливее ждет Груши приказа вернуться. Но приказа нет. Только все глуше грохочет над содрогающейся землей далекая канонада — железный жребий Ватерлоо.

ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

Между тем уже час дня. Четыре атаки отброшены, но они заметно ослабили центр Веллингтона; Наполеон готовится к решительному штурму. Он приказывает усилить артиллерию у Бель-Альянса, и, прежде чем дым орудий протянет завесу между холмами, Наполеон бросает последний взгляд на поле битвы.

И вот на северо-востоке он замечает какую-то тень, которая словно выползает из леса: свежие войска! Мгновенно все подзорные трубы обращаются в ту сторону: Груши ли это, смело преступивший приказ, чудом подоспел в решительную минуту? Нет, пленный сообщает, что это авангард генерала Блюхера, прусские полки. Впервые у императора мелькает догадка, что разбитая прусская армия избежала преследования и идет на соединение с англичанами, а треть его собственной армии без всякой пользы передвигается в пустом пространстве. Тотчас же он пишет Груши записку, приказывая во что бы то ни стало держать связь и помешать вступлению в бой пруссаков.

В то же время маршал Ней получает приказ атаковать. Веллингтон должен быть опрокинут прежде, чем подойдут пруссаки: сейчас, когда столь внезапно и резко уменьшились шансы, нужно, не колеблясь, все поставить на карту. И вот в течение нескольких часов одна за другой следуют яростные атаки, все новые и новые пехотные части вступают в бой. Они занимают разрушенные селения, отступают, и снова людской вал с ожесточением кидается на уже потрепанные каре неприятеля. Но Веллингтон все еще держится, а от Груши все еще нет известий. «Где Груши? Где застрял Груши?» — в тревоге шепчет император, глядя на приближающийся авангард пруссаков. И его генералы начинают терять

терпение. Решившись силой вырвать исход битвы, маршал Ней, действуя столь же дерзновенно и отважно, сколь неуверенно действовал Груши (три лошади уже убиты под ним), бросает сразу в огонь всю французскую кавалерию. Десять тысяч кирасиров и драгун скачут навстречу смерти, врезаются в каре, сминают ряды, косят орудийную прислугу. Правда, их отбрасывают, но сила английской армии иссякает, кулак, стиснувший укрепленные холмы, начинает разжиматься. И когда поредевшая французская кавалерия отступает перед ядрами, последний резерв Наполеона — старая гвардия — твердой и медленной поступью идет на штурм высот, обладание которыми знаменует судьбу Европы.

РАЗВЯЗКА

Весь день четыреста пушек гремят с той и другой стороны. На поле битвы топот коней сливается с залпами орудий, оглушительно бьют барабаны, земля сотрясается от грохота и гула. Но на возвышении, на обоих холмах, оба военачальника настороженно ловят сквозь шум сражения более тихие звуки.

Хронометры чуть слышно, как птичье сердце, тикают в руке императора и в руке Веллингтона; оба то и дело выхватывают часы и считают минуты и секунды, поджидая последнюю, решающую помощь. Веллингтон знает, что Блюхер подходит, Наполеон надеется на Груши. Оба они исчерпали свои резервы, и победит тот, кто первым получит подкрепление. Оба смотрят в подзорную трубу на лесную опушку, где, словно легкое облако, маячит прусский авангард. Передовые разъезды или сама армия, ушедшая от преследования Груши? Уже слабеет сопротивление англичан, но и французские войска устали. Тяжело переводя дыхание, как два борца, стоят противники друг против друга, собираясь с силами для последней схватки, которая решит исход борьбы.

И вот наконец со стороны леса доносится пальба — стреляют пушки, ружья: «Enfin Grouchy!» — наконец, Груши! Наполеон вздыхает с облегчением. Уверенный, что его флангу теперь ничто не угрожает, он стягивает остатки армии и снова атакует центр Веллингтона, дабы сбить британский засов, запирающий Брюссель, взломать ворота в Европу.

Но перестрелка оказалась ошибкой: пруссаки, введенные в заблуждение неанглийской формой, открыли огонь по ганноверцам; стрельба прекращается, и беспрепятственно широким и могучим потоком выходят из лесу прусские войска. Нет, это не Груши со своими полками, это приближается Блюхер и вместе с ним

— неотвратимая развязка. Весть быстро распространяется среди императорских полков, они начинают отступать — пока еще в сносном порядке. Но Веллингтон чувствует, что настала критическая минута. Он выезжает верхом на самый край столь яростно защищаемого холма, снимает шляпу и машет ею над головой, указывая на отступающего врага. Его войска тотчас понимают смысл этого торжествующего жеста. Дружно поднимаются остатки английских полков и бросаются на французов. В то же время с фланга на усталую, поредевшую армию налетает прусская кавалерия. Раздается крик, убийственное «Спасайся, кто может!». Еще несколько минут — и великая армия превращается в неудержимый, гонимый страхом поток, который все и вся, даже Наполеона, увлекает за собой. Словно в податливую воду, не встречая сопротивления, бросается неприятельская конница в этот быстро откатывающийся и широко разлившийся поток; из пены панических воплей выживают карету Наполеона, войсковую казну и всю артиллерию; только наступление темноты спасает императору жизнь и свободу. Но тот, кто в полночь, забрызганный грязью, обессиленный, падает на стул в убогом деревенском трактире, — уже не император. Конец империи, его династии, его судьбе; нерешительность маленького, ограниченного человека разрушила то, что храбрейший, прозорливейший из людей создал за двадцать героических лет.

ВОЗВРАТ В ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Не успела английская атака разгромить армию Наполеона, как некто, доселе почти безымянный, уже мчится в экстренной почтовой карете по брюссельской дороге, из Брюсселя к морю, где его ждет корабль. Он прибывает в Лондон раньше правительственных курьеров и, пользуясь тем, что вести до столицы еще не дошли, буквально взрывает биржу; этим гениальным ходом Ротшильд основывает новую империю, новую династию.

Назавтра вся Англия узнает о победе, а в Париже верный себе предатель Фуше — о поражении; над Брюсселем и Германией разносится победный колокольный звон.

Один лишь человек на другое утро еще ничего не знает о Ватерлоо, несмотря на то, что всего четырехчасовой переход отделяет его от места трагедии: злополучный Груши, который неуклонно выполняет приказ преследовать пруссаков. Но как ни удивительно, пруссаков нигде нет, и это тревожит его. И все

громче и громче гремят пушки, точно взывая о помощи. Все чувствуют, как дрожит под ними земля, и каждый выстрел отдается у них в сердце. Все знают: это не простая перестрелка разгорелась гигантская, решающая битва. В угрюмом молчании едет Груши, окруженный своими офицерами. Они больше не спорят с ним: ведь он не внял их совету.

Наконец у Вавра они натываются на единственный прусский отряд — арьергард Блюхера, и это кажется им избавлением. Как одержимые, бросаются они на неприятельские траншеи — впереди всех Жерар; быть может, томимый мрачными предчувствиями, он ищет смерти. Пуля настигает его, он падает, раненный: тот, кто подымал голос протеста, умолк. К вечеру они занимают селение, но все догадываются, что эта маленькая победа уже бесполезна, ибо там, в той стороне, где поле битвы, внезапно все стихло. Наступила грозная, немая до ужаса, мирная гробовая тишина. И все убеждаются, что грохот орудий был все же лучше, чем эта мучительная неизвестность. Битва, видимо, закончилась, битва при Ватерлоо, о которой Груши получает наконец (увы, слишком поздно!) известие вместе с требованием Наполеона идти на подкрепление. Она кончена, гигантская битва, но за кем осталась победа?

Они ждут всю ночь. Тщетно! Вестей нет, словно великая армия забыла о них, и они, никому не нужные, бессмысленно стоят здесь, в непроницаемом мраке. Утром они снимаются с бивака и снова шагают по дорогам, смертельно усталые и уже зная наверное, что все их передвижения потеряли всякий смысл. Наконец в десять часов утра навстречу скачет офицер из главного штаба. Ему помогают сойти с седла, забрасывают вопросами. Лицо офицера искажено отчаянием, взмокшие от пота волосы прилипли к вискам, его трясет от смертельной усталости, и он едва в состоянии пробормотать несколько невнятных слов, но этих слов никто не понимает, не может, не хочет понять. Его принимают за сумасшедшего, за пьяного, ибо он говорит, что нет больше императора, нет императорской армии, Франция погибла. Но мало-помалу от него добиваются подробных сведений, и все узнают сокрушительную, убийственную правду. Груши, бледный, дрожащий, стоит, опираясь на саблю; он знает, что для него началась жизнь мученика. Но он с твердостью берет на себя всю тяжесть вины. Нерешительный и робкий подчиненный, не умевший в те знаменательные мгновения разгадать великие судьбы, теперь, лицом к лицу с близкой опасностью, становится мужественным командиром, почти героем. Он тотчас

собирает всех офицеров и, со слезами гнева и печали на глазах, в кратком обращении оправдывает свои колебания и вместе с тем горько сожалеет о них.

Молча слушают его те, кто вчера еще гневался на него. Каждый мог бы его обвинить, похваляясь, что предлагал другое, лучшее решение. Но никто не осмеливается, никто не хочет этого делать. Они молчат и молчат. Безмерная скорбь заградила им уста.

И вот в этот час, упустив решающую секунду, Груши с опозданием проявляет свой недюжинный талант военачальника. Все его достоинства — благоразумие, усердие, выдержка, исполнительность — обнаруживаются с той минуты, как он опять доверяет самому себе, а не букве приказа. Окруженный в пять раз превосходящими силами неприятеля, он блестящим тактическим маневром сквозь гущу вражеских войск выводит свои полки, не потеряв ни единой пушки, ни единого солдата, и спасает для Франции, для империи остатки ее армии. Но нет императора, чтобы поблагодарить его, нет врага, чтобы бросить против них свои полки. Он опоздал, опоздал навеки. И хотя в дальнейшей жизни он возносится высоко, получает звание главнокомандующего и пэра Франции и в любой должности заслуживает всеобщее уважение твердостью и распорядительностью, ничто не может возместить ему той секунды, которая сделала его вершителем судьбы и которую он не сумел удержать.

Так страшно мстит за себя великое, неповторимое мгновение, лишь изредка выпадающее на долю смертного, если тот, кто призван по ошибке, отступает от него. Все мещанские добродетели — надежный щит от требований мирно текущих будней: осмотрительность, рвение, здравомыслие, — все они беспомощно тают в пламени одной-единственной решающей секунды, которая открывается только гению и в нем ищет свое воплощение. С презрением отталкивает она малодушного; лишь отважного возносит она огненной десницей до небес и причисляет к сонму героев.